

Атлант

Поэма

Не спали патрули. Огни костров
Терялись в кутерьме горячих вишен.
Последний император был суров,
Решителен, вменяем, неподвижен.

Предельно собран, выточен, упрям
И оттого растерян, мутен, бледен
(Такие люди бредят по утрам,
Боясь проспать разгул стихов и сплетен).

До абсолюта слух в нём доведён.
Анализа не умолкает пытка.
Но долго до утра. В силках знамён
Бессонница гудит. Виляют прытко

По городу, который будто Рим,
Слепые пчёлы боевой тревоги.
Авось, возьмём к утру и прогорим,
Бескрылы будем и четвероноги? –

Плодятся толки верных патрулей,
И страх живее, чем любовь к Отчизне.
Поди, на совесть этот яд пролей,
Приказ непослушанием отчисти, –

Но нет путей для подлинных свобод,
С прямою шеей всё-таки страшнее.
И всякий втайне ждёт, что путь сведёт
К прямой мишени и простой траншее.

А император многого с людей
Не просит для себя и на трибуне.
И мнение о том, что он злодей,
Любовью скорбной искупает втуне.

Кто любит так, что выдумает яд,
От выбора, от страха, от расплаты
Собой прикроет – царь, как говорят.
Тот вправе на любые аты-баты.

... Он был как мы, но тяжелее нас, –
Почти поэт. И мы вполне любили
С торца монеты профиль, чей анфас
Поддерживал устои нашей были.

Он никогда настолько не хотел
Утешить нас, неверных, грубых, слабых,
Освободив от духа склянки тел,
Песок на четырёх дрожащих лапах.

Он никогда настолько не любил
Своё лицо, как нынче, в час подарка.
Оно – предмет для будущих белил
Истории, оно – триумф и арка.

Как бабочку пьянящая пыльца,
Его спалила жалость. Пот горючий
Томится в камне царского лица,
Которое из белизны грядущей

Приказом размежует города
Сегодняшние, временные, наши.
Кипит в нём совесть – белая вода,
Но он не умывает рук из чаши.

Как мрамор, бритый подбородок свеж.
И люди ждут, когда он ухнет жутко
В послушную речам из камня брешь,
Зажав прилив гражданского рассудка.

Столица горяча, тиха, слаба,
Приручена, воде эквивалентна,
И вся толпа – не рыба, но раба
Предчувствия большого постамента

Владыке. Он приличен, честен, крут,
Усерден, чуток. Он отдаст пароли,
Его слова нам двери отопрут,
Мы утечём от выбора и воли.

На нём лицо, за нас ответ на нём.
Он берег наш, а мы – его водица.
Мы вытесняем выбора объём,
Нам со свободой нужно раздвоиться.

... Кадык виляет. Робкий мёд слюны
Вращается во рту, и рот бессилён.
Толпятся, будто пьяные слоны,
Последние слова в жаре извилин.

На сухостое умственной руды,
На суматошной засухе, в пустыне
Царь объявил: «Пополните ряды.
Нас ждёт житьё весёлое отныне».

Слова царя – на времени верхом,
И через час их распасуют в сплетнях,
А через век изобличат стихом,
Но сколько их появится – последних!

Приказ оттаял, выдался, созрел
И личной волей обзавёлся борзо.
От силы слов уже тускнеет бронза,
Их яд уже умаслил стоны стрел.

Бегут гонцы, напоминая кровь.
Готовит обыватель кривотолки.
И нет ещё ни книг, ни книжной полки
(Появятся – её повесят вкривь).

Прижизненная статуя, сотри
С сетчатки пыль сомнения за право
Закатывать глаза, держать внутри.
Снаружи всё – для совести отрава.

Снаружи всё – мятеж, интрига, бой.
Ты, мраморный атлант, не виноватый,
Что мы приказа требуем гурьбой,
А без приказа вспыхиваем ватой.

Ведь надо же любить кого-то нам
И совладать с глазами, волей, риском.
Я всё своё лицо тебе отдам,
Чтоб не узнать на суде неблизком.

Я не стыжусь – в душе моей излом.
Заметь местоимение, в котором
Единственным я вынырнул числом
За полминуты, как стереться с хором.

Последний гимн прекрасному поют.
Когорты вишни топчут у провинций.
А мы в раю с царём-самоубийцей.
И север тучей портит наш уют.

Мысли над календарём

Стансы

1

Метели тащатся, как декабристы в рай.
Крупа истории нудней зимы в провинции.

... Забудь о времени и в жизнь и смерть играй,
Уже не думая, что в мире есть традиции.

2

Подошвы Родины пропитаны весной.
Петлять в следах её – парады тащат волоком.

... Не доставайся им, зови себя – связной,
Начинка клейкая между землёй и облаком.

3

В поту сличительном, в июльском ли пуху
Ни в эллине, ни просто в россиянине
Не видно образа, чей автор – наверху.
...От зноя прячь себя, зеркальное сияние.

Вновь осень грянула, как битва под Москвой.
Что было задано живущим – не исполнено.

... Люби их с милостью, но обратись листвою,
Из общей памяти сметённой Богом в Болдино.

Последний снег в году

Последний снег в году барахтался на брюхе.
Клаузулу сложив, я брёл от санузла
На воздух, на мороз, хватающий за брюки,
И тень моя в снегу последний раз росла.

Рябой косматый снег, провинциальный идол,
Больной дворовый вождь, лепнина вдоль ресниц.
Я видел, как тебя в окошко школьник видел,
А ты юродиво зачем-то падал ниц.

Венозная сосна, икристые рябины
И хлорка бирюзы на куполах берёз
От имени живой согбенной древесины
В последний раз кляли твой родовой мороз.

Ты всё распределил и разложил, как скальпель,
Всё скрыл за вычетом чистилищ и аптек.
Нет ничего в глазах твоих морозных капель.
Последний день в году, и человек, и снег...

И сливки взбитые. И сумрак закруглённый.
И тяжесть липкая, настойчивая взвесь.
Скелет календаря сгорает, как зелёный
Бенгальский мотылёк, родившийся не здесь.

И терпкий хвойный звон, малиновый и нищий,
Застрял, как хоровод, в гирлянде бытия.
Ну что, последний снег, своей доволен пищей?
Раздень меня и съешь, задора не тая.

И я тебя вдохну, и снегом стану тоже.
Шампанский акробат, скользи в глазах, шурша.
Последний нынче день мирской отмерен коже.
Ждёт полночи в костях последняя душа.

Бандероль

Труднее умирать, когда не веришь смерти.
Ко мне конверт пришёл, но нет письма в конверте –
Сплошная оболочка. А скелет?
А рок внутри?.. Но рок не сделал и полшага.
Сплошная жизнь дана, как белая бумага.
И было мне пятнадцать лет.

И похорон своих я ждал, не понимая,
Зачем конверт пустой, зачем к исходу мая
Не принесли мне весть, что я умру.
Бодлер и Эдгар По легли не слишком тонко
На самолюбие здорового ребёнка.
Я не сыграл красивую игру.

Я не читал их впредь и вырос – вот расплата.
Нет версий, кто во мне увидел адресата,
Да и узнать побаиваюсь, – там
Настолько белое в графе осталось поле,
Что просто тьма!.. Судьбе я сдался поневоле –
И с той поры не верю я смертям.
И сам не открываю бандероли.

Книга пахнет солнечным осадком,
Пылью и июльским табаком.
Никогда не говорит о сладком –
Это видно по твоим закладкам,
Вложенным в желток её тайком.
У неё и позвонки, и мясо,
И она реальнее вдвойне,
Чем рябой и душный запах кваса
И любая истина в вине.

Вне страниц шумит одна трава лишь, –
Может быть, и существуешь ты,
Только если книгу открываешь,
Телом переняв её черты.

Помнят вены мои, что они становились твоими,
Что корнями, речными путями впадали в твои,
А потом ужимались и делались будто сухими,
Остывали, дрожали, просили тебя: напои,
Дай механике прежней работать на благо истока,
Пусть пружина качает ресурсы, которые дашь...
Но давление падало. Строчка кончалась жестоко.
Кардиологи охали. Пульса не вёл карандаш.
Вот в стихах, как в палате, валяется сердце нагое.
Но лечение не применяется к ритмам чужим.
Нет покоя мне в артериальном приённом покое,
Потому что не вместе мы в нём тишину ворожим.